

— Ну и как ты хочешь? Вопрос-ответ? Вопрос-ответ! Это тебе очень нравится, да?

— А что тут такого? Вы актер. Талантливый. Сам-то наверняка себя таковым считаете.

— Конечно. Я же не идиот: был бы бесталанным, стал бы сниматься в кино! Лучше бы мне...

— Выращивать виноград или...

— Нет, стоп. Выращивать виноград. Отлично. Именно это. Я всегда завидовал Челентано, когда он в своей смазливой комедии «Укрошение строптивого» выдавливал сок из красного винограда босыми ногами! Кайф! Роскошь!

— Надо же. Годар однажды уверял, что хотел бы съесть свежую розу, тщательно ее пережевав. Депардье хочет давить виноград ногами. Компашка!

— Возвышенный Годар жрет розы! Ха! Гениально. Нет, это куда гениальнее, чем месить виноградными грязными лапами Челентано. Свежеиспеченная на солнце роза!

— Это почти Фрейд или почти Ломброзо?!

— Чего? Что вы все в каждый бочонок тычете Фрейда? Черт это лысый, а не Фрейд. Ага, чувствуешь пошла метафора!

— Что? Что?

— Пошла метафора. Виноград. С этого мы начали?

— Нет, начали с вашей профессии.

— К черту профессию.

— К лысому?

— К лысому! Значит, сначала виноград. Затем — виноградный сок, который вытаптывают.

— Почему вытаптывают?

— А что еще можно делать ногами? Топтать! Потом, значит, бочонок. Целый бочонок прозрачного виноградного вина. У-у-у! Лучший подарок к Рождеству! Сок, бередающий разум и фантазию. Особенно последнюю. Последними мыслями!

— Сколько эмоций однако!

— А это мне сейчас пришло на ум. Представляешь, в конце императорского Августа начинается пора топтания винограда.

— Упиваетесь собой, Жерар!

— Упиваюсь. Но бочонок зараз — многовато.

— Ну можно смаковать: растягивать бочонок длинными зимними вечерами, выцеживать по капле у камелька.

— Бредятина варится в женской голове! Кого по капле выцеживать? Несчастное вино? Бочонок не должен дожить до весны: он может польстеть!

— Ладно, быть ему недолго наполненным. Ответьте, пожалуйста: кого вы считаете самым гениальным режиссером?

— Это еще к чему вопрос?

— А бочонок к чему? Все к нашему разговору. Новогоднему.

— Блестящий новогодний вопрос! Блестящий.

— Ну какой есть.

— Ладно. Годар.

— Он самый гениальный?

— Самейший.

— А из актеров?

— Из баб? Сандрин Боннэр, Изабель Юппер.

— А самая красивая?

— Катрин Денев. Самая красивая кошка на свете!

— А кроме французов, вы кого-нибудь знаете?

— Да, но я плохо запоминаю иностранные фамилии.

— Жерар, вы умны?

— Этот вопрос вытекает из предыдущих ответов?

— Жерар, здесь вопросы задает кто? Вы — ответчик.

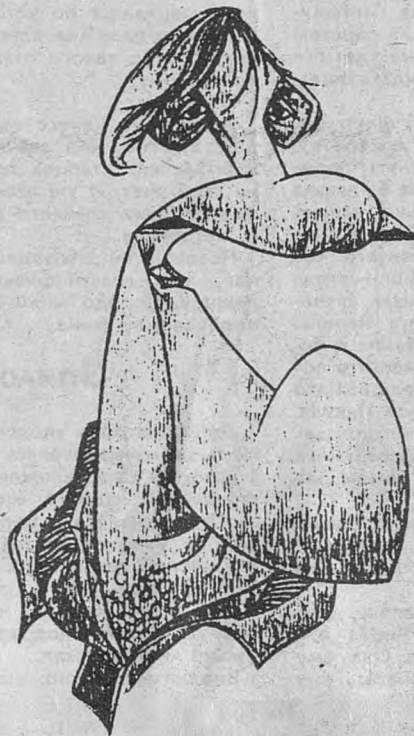
— Мне так неинтересно! Про себя-то я все знаю.

— Хорошо. И все-таки вы умны?

— Совершенно дикий вопрос. Женщины его обожают. Чтобы замутить женский рассудок, надо запустить в него два-три фразона. Типа... Сейчас напря-

Гальский Петух, о чем неоднократно свидетельствовала История, пусть и француз, но существо на диво дисциплинированное. Кричит только в полночь и только дважды. Ни стихия, ни женщины, ни вышивка его не остановят. Только в полночь. И только дважды. У мужчин все сложнее...

Жерар Депардье, хотя и Крыса, но кровинка гальского Петуха не чужда жилам французского комедианта. Раз «прокричав» в № 48 «ЭС», он пообещал новогоднее интервью. Сказал... и сделал. Еще далеко до полуночи, но верьте на слово нашей газете: «крик» Депардье ценен в любое время суток.

гусь и блесну. Слушай, а хочешь — расскажу пару умных вещей о Годаре?

— Еще бы!

— Знаешь, почему Годар — гений? Он подарил кинематографу — просто так, из-за любви к нему — идею абсолютной свободы.

— То есть?

— Вся «Новая волна» — идея абсолютной свободы человеческого разума. Ты меня пытала как-то в Париже, что такое «Новая волна». Так вот — это идея-фикс. Абсолютная свобода разума — чистая производная от природы. Человек свободен. Это не идея-фикс. Абсолютная свобода разума — чистая свобода от разума собрата. Впрочем, Годар, обуреваемый этой идеей, все же женился на Анне-Карине. Я ее почти не помню, на фотографиях она прелестна. Все тогда веселились: вот тебе и свобода, вот тебе и принципы. И что же: Годар не смог жить с Анной-Кариней. Вообще нельзя жить с женщиной и чувствовать себя свободным разумом. Женщина всегда отыскивает лазейки в мужской ум и, как бы титаничен он ни был, постепенно разрушает его.

— О!

— Именно: о! Ох, как разрушает. Вот Ева, например... Впрочем, это лишнее. В общем, Годар стал рабом своей идеи.

— Ха! Вот вам и свобода! Ум, попавший в плен

собственной идеи, — жуткие узы. Более того — грань помешательства.

— Ну это, если ты психопатка. К истинной свободе может тянуться только совершенно нормальный мозг.

— Причем мужской, видимо. Не так ли?

— По преимуществу. Есть несколько потрясающих в этом смысле женщин. Но сейчас ни одной не вспомню. Итак, идея свободы — жажда индивидуальности. Сверхиндивидуальности.

— Вот вам и Ницше.

— Ничего подобного. Ницше замкнул эту идею на себе. Вот что выдает нездоровую психику! Он двинулся, короче. А Годар не человек — Годар с легкими, сердцем, головными болями, а личность — Годар, одержимый идеей свободы, сотворил новое свободное кино. Не спился, не сдвинулся, а создал. И идею подхватили Риветт, Ренуар, Трюффо. И они эту идею осуществили в искусстве.

— Этот миф.

— Эту идею.

— Но любая идея-фикс — выдумка. Вы знаете, в одном русском очень хорошем романе главный герой на протяжении всего сюжета ожидает смертный приговор. Ожидание становится идеей-фикс. Вот день объявлен. Последнее утро перед казнью. Эшафот. Палач. Глазеющая толпа. Он всходит на эшафот. Вы меня слушаете, Жерар?

— Ну да.

— Так вот, он всходит на эшафот и понимает, что сооружение — картонное.

— Какое?

— Картонное. Из картона. И все вокруг — крохотные фигурки. Такие гномы. Один взмах ноги, и картон превращается в прах, а людишки и палачи — в ужасе разбегаются.

— И что приговоренный?

— Ничего. Раздавил картонку и пошел прочь.

— И дальше по Шекспиру — тишина?

— Не знаю.

— Конечно, тишина. Значит, драма. Если человек расстается с идеей-фикс, значит, возвращается на нулевую отметку. Гамлет, кстати, сам по себе идея-фикс. Смерть Гамлета — конец этой идеи и, следовательно, конец света. Дальше — тишина. Или неизвестность, или ужас, или истерия.

— Дальше Новый год, Жерар! Давайте не будем про истерию.

— А кто меня провоцировал на умствования? Пожалуйста: с Новым годом, с Новым годом!

— А у вас никогда не было тяги к абсолютной свободе?

— Ну теперь ты никак не успокоишься.

— Скажите, Жерар!

— Нет, идея-фикс — работа для режиссера. А актер... Он работает над своей ролью. Впихивается в нее, пошитую, подгоняет себя под нее.

— Вы-то наверняка не впихиваетесь так просто.

— Я? Да, при моих килограммах!

— Какие ассоциации у вас вызывает Петух?

— Чего? У тебя какой-то ненормальный ход мыслей.

— Ну, Жерар, год ведь Петуха!

— У меня нет ассоциации. А у тебя?

— У меня тоже нет.

— Вот совсем другое дело бочонок — море ассоциаций! Ураган! Империя!

— Топтать виноград! О, мой бочонок! Мой маленький славный бочонок! Все заклинало! Аве бочонок! Миф! Выдумка! Идея-фикс!

Беседу вела
Натэла МЕСХИ.